

Литрес ≡ Классика

Артур Конан Дойль

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Артур Конан Дойл
Знак четырех

«ЛитРес»

1890

Дойл А.

Знак четырех / А. Дойл — «ЛитРес», 1890

В этом деле Шерлок Холмс и доктор Ватсон сталкиваются с тайной, пришедшей из глубин колониальной Индии: к ним обращается молодая женщина, чей отец бесследно исчез, а сама она начинает получать анонимные дары – редкие жемчужины. За ниточкой этих загадочных событий тянется мрачная история о сокровищах Агры, предательстве и беспощадной мести, отмеченная зловещим знаком четырёх. Это классический детектив, где логика Холмса распутывает не просто преступление, а целый лабиринт человеческих страстей, жадности и экзотических тайн.

© Дойл А., 1890

© ЛитРес, 1890

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Артур Конан Дойл
Знак четырех**

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Глава I Дедуктивный метод

Шерлок Холмс снял с камина бутылку и вынул из изящного сафьянового футляра шприц, для подкожного впрыскивания. Длинными, белыми нервными пальцами он вставил тонкую иглу и отвернул левый рукав рубашки. На несколько минут глаза его задумчиво остановились на мускулистой руке и запястье, испещренных бесчисленными знаками уколов. Наконец он воткнул острую иглу, нажал крошечный поршень и откинулся на бархатное кресло с облегченным вздохом.

В продолжение нескольких месяцев я три раза в день наблюдал эту церемонию, но все еще не мог привыкнуть к ней. Напротив, с каждым днем она раздражала меня все сильнее и сильнее, и каждую ночь совесть упрекала меня в недостатке мужества. Я постоянно давал себе слово, что выскажу откровенно свое мнение, но небрежные спокойные манеры моего приятеля не допускали фамильярности. Его талант, властность, необыкновенные способности – все это вместе делало меня робким и застенчивым в его присутствии.

Но в этот раз, благодаря ли выпитому за закуской вину, или особенному раздражению, вызванному его решительным образом действий, я не в силах был сдержаться дольше.

– Что это? – спросил я. – Морфий или кокаин?

Шерлок лениво поднял глаза от книги, которую только что открыл.

– Кокаин, – ответил он, – семипроцентный раствор. Желаете попробовать?

– Ну, нет, – резко ответил я. – Мой организм еще не вполне оправился после Афганской кампании. Я не могу слишком напрягать его.

Он улыбнулся моей горячности.

– Может быть, вы правы, Ватсон, – сказал он. – Я думаю, что это вредно для тела. Но зато мысль так сильно возбуждается, так просветляется, что все другое не имеет значения.

– Но подумайте хорошенько! – серьезно проговорил я. – Рассчитайте, стоит ли игра свеч! Может быть, как вы говорите, разум ваш и возбуждается, и просветляется, но это нездоровый патологический процесс, требующий усиленного обмена веществ, и может, в конце концов, вызвать постоянную слабость. Вы знаете, какие страшные припадки реакции бывают у вас. Право, игра не стоит свеч. К чему ради скоропроходящего удовольствия рисковать потерей тех великих талантов, которыми вы одарены? Помните, что я говорю не только как товарищ товарищу, но и как медик человеку, за здоровье которого он отвечает в известной степени.

Холмс, казалось, не обиделся на мои слова. Он скрестил пальцы и положил локти на ручки кресла, как будто готовясь к продолжительному разговору.

– Мой разум противится застою, – сказал он. – Дайте мне загадки, дайте работу, дайте разобрать самый трудный шифр или сделать самый сложный анализ, – я буду в присущей мне атмосфере и могу обойтись без искусственного возбуждения. Но я ненавижу скучную рутину жизни. Я жажду умственного возбуждения. Вот почему я и избрал мою профессию – или, вернее, создал ее, так как я единственный в своем роде.

– Единственный неофициальный сыщик? – сказал я, поднимая брови.

– Единственный неофициальный сыщик, с которым советуются, – ответил он. – Я – последняя и высшая инстанция в делах сыска. Когда Грегсон, или Лестрад, или Этелни Джонс теряются – что, между прочим, постоянно случается с ними, – дело передается мне. Я рассматриваю данные, как эксперт, и даю заключение как специалист. Мое имя не встречается в газетах. Работа сама по себе, удовольствие применить свои дарования – вот высшая моя награда. Но вы и сами несколько познакомились с моим методом в деле Джеферсона Гоппа.

– Да, – чистосердечно сказал я, – никогда в жизни не бывал я так поражен, как тогда. Я даже описал это дело в маленькой брошюре под несколько фантастическим названием «Красное по белому».

Он печально покачал головой.

– Я просмотрел ее, – сказал он, – и по правде сказать, не поздравляю вас. Искусство сыска – точная наука, или, по крайней мере, должно быть такой, а потому о ней следует говорить в таком же холодном, равнодушном тоне. Вы же пытаетесь придать делу романтическую окраску, что все равно, как если бы вы вставили любовную историю или побег в теорему Эвклида.

– Но дело-то было романтическое, – возразил я. – Не мог же я изменить факты.

– Некоторые из них можно было бы и пропустить или, по крайней мере, сохранить должное соответствие при описании их. Единственное, о чем стоило упомянуть, это любопытный анализ причин и следствий, благодаря которому мне удалось раскрыть это дело.

Это критическое отношение к произведению, которое я написал в надежде, что оно понравится Холмсу, неприятно подействовало на меня. Признаюсь, что меня раздражал и эгоизм, с которым мой приятель требовал, чтобы каждая строчка моего памфлета относилась исключительно к его личным подвигам. В продолжение многих лет, что я жил с ним на Бейкер-стрит, я не раз замечал, что немалая доля тщеславия скрывается под его спокойным, нравоучительным тоном. Но я ничего не ответил и продолжал сидеть, поглаживая раненую ногу. У меня в ней застряла пуля, и, хотя это не мешало мне ходить, но нога сильно болела при каждой перемене погоды.

– В последнее время мне пришлось побывать на континенте, – сказал Холмс после короткого молчания, набивая свою старую трубку. – У меня попросил совета Франсуа де Вильяр. Как вы знаете, он выделился среди французских сыщиков. Он вполне обладает способностью кельтов быстро схватывать данные, но у него нет обширных знаний, необходимых для высшего развития искусства. Дело шло о завещании и представляло собой некоторый интерес. Я мог указать ему на два подобных события, одно – в Риге в 1857 году, другое – в Сант-Луи в 1871 году, и таким образом навел на верное решение задачи. Вот письмо, которое я получил от него сегодня утром, где он благодарит меня за помощь.

Он бросил мне смятое письмо на заграничной бумаге. Я пробежал его глазами и увидел массу восторженных восклицаний, расточаемых французом.

– Он пишет, словно ученик учителю, – заметил я.

– О, он слишком преувеличивает мою помощь, – небрежно проговорил Холмс. – Он сам достаточно талантлив. Он обладает двумя из трех качеств, необходимых для идеального сыщика. У него есть наблюдательность и способность к дедукции. Ему не хватало только знаний, но и это придет со временем. Теперь он переводит на французский язык мои сочинения.

– Ваши сочинения?

– О, разве вы не знали? – смеясь, спросил он. – Да, каюсь, написал несколько монографий. Все они касаются технических вопросов. Вот например: «О различии золы разных сортов табака». Тут я перечисляю сто сорок сортов табака, употребляемого для сигар, папирос и трубок, и рисунками иллюстрирую разницу в их золе. Этот пункт постоянно встречается в уголовных преступлениях и иногда играет важную роль в поимке преступника. Если, например, вы можете наверняка сказать, что убийство совершено человеком, который курит индейский табак, то таким образом естественно ограничивается поле исследований: опытный глаз сейчас же различает пепел различных сортов табака.

– У вас гениальная способность отыскивать мельчайшие подробности.

– Я придаю им большое значение. Вот моя монография насчет отыскивания следов ног с примечаниями о том, что гипс хорошо сохраняет отпечатки следов. Вот маленькая брошюра о влиянии ремесел на форму руки, с фотографиями рук кровельщиков, моряков, рабочих, делающих пробки, композиторов, ткачей и шлифовальщиков. Все это вопросы практического интереса для ученого сыщика, особенно в случаях неопознанных трупов или для ознакомления с преступлениями, сходными с настоящими. Но я надоедаю вам с моим коньком.

– Нисколько, – серьезно ответил я. – Все это чрезвычайно интересует меня, особенно с тех пор, как мне пришлось видеть на практике применение ваших рассуждений. Но сейчас вы говорили о наблюдательности и способности к выводам. Одна из этих особенностей до известной степени предполагает и другую.

– Ну, не совсем, – сказал он, с наслаждением откидываясь на спинку кресла и выпуская из трубки клубы голубого дыма. – Вот, например, наблюдательность доказывает мне, что сегодня утром вы были в почтовом отделении на улице Вигмор, а способность к выводам дает уверенность, что вы отправляли там телеграмму.

– Верно! – сказал я. – Верно и то, и другое. Но признаюсь, не вижу, каким образом вы узнали это. Я сделал это по внезапному побуждению и никому не сказал ни слова.

– Дело самое простое, – заметил Холмс, усмехаясь при виде моего изумления, – до смешного простое, не требующее объяснений; а между тем, оно может служить для объяснения границ между наблюдательностью и способностью к выводам. Наблюдательность заставляет меня заметить комочек красноватой земли, прилипшей к подошве вашего сапога. Как раз напротив улицы Вигмор поднят тротуар и разрыта земля, так что трудно не наступить на нее. Земля эта особого красноватого оттенка, и, насколько я знаю, встречается только в этом месте. Вот все, что касается наблюдательности. Остальное – способность сделать выводы.

– Но каким образом вы пришли к выводу, что я посылал телеграмму?

– Ну, ведь я знаю, что вы не писали письма, потому что сидел с вами все утро. В открытом ящике вашего стола я вижу много почтовых марок и открытых писем. Зачем же вам было идти в почтовое отделение, как не за тем, чтобы дать телеграмму? Откиньте все другие факты – и останется истина.

– В этом случае вы действительно правы, – сказал я после короткого молчания. – Как вы сказали, дело совершенно простое. Вы не сочтете меня дерзким, если я применю к вашему методу более строгий критерий?

– Напротив, – отвечал Холмс. – Это только заставит меня отказаться от второй дозы кокаина. Буду очень рад заняться всякой задачей, которую вы предложите мне.

– Я слышал, как вы говорили, что трудно допустить, чтобы человек, постоянно пользующийся какой-нибудь вещью, не оставил на ней следов своей личности, своей индивидуальности. Вот часы, которые мне недавно достались в наследство. Скажите, что можете вы по ним заключить о их прежнем владельце?

Я подал ему часы, надеясь несколько позабавиться, так как думал, что задаю ему невозможную задачу, и рассчитывал дать ему урок в наказание за принимаемый им иногда догматический тон. Он некоторое время раскачивал часы в руке, посмотрел на циферблат сначала простым глазом, а затем в сильную лупу. Я еле сдерживал улыбку при виде его лица, когда он наконец захлопнул крышку и возвратил мне часы.

– Нет почти никаких данных, – проговорил он. – Часы были недавно в чистке, так что самые важные факты остаются неизвестными.

– Вы правы, – ответил я. – Часы были в чистке перед тем, как их послали ко мне.

В глубине души я обвинял приятеля в том, что он выдумал самую неудачную причину для объяснения своего неуспеха. Каких данных мог ожидать он от нечищенных часов?

– Хотя исследования мои и не вполне удовлетворительны, но все же не бесплодны, – заметил Холмс, смотря на потолок задумчивыми, тусклыми глазами. – Если не ошибаюсь, часы эти принадлежали вашему брату, который получил их в наследство от своего отца.

– Без сомнения, вы заключаете это из инициалов Г. В. на крышке?

– Совершенно верно. В – это начальная буква вашей фамилии. Часы сделаны лет пятьдесят тому назад, и инициалы того же времени; следовательно, они принадлежали человеку прошлого поколения. Драгоценности обыкновенно переходят к старшему сыну, и он часто носит одно имя с отцом. Если я не ошибаюсь, ваш отец умер много лет тому назад. Следовательно, часы были в руках вашего брата.

– До сих пор все верно, – сказал я. – Что дальше?

– Он был человек неаккуратный – очень неаккуратный и небрежный. У него были хорошие средства, но он не воспользовался представлявшимися ему шансами, жил в бедности, нарушаемой иногда короткими периодами процветания, наконец стал пить и умер. Вот все, что я мог узнать.

Я вскочил с кресла и с нетерпением, хромая, стал ходить по комнате, ощущая чувство горечи в душе.

– Это недостойно вас, Холмс, – сказал я. – Никогда бы не поверил, что вы снизойдете до этого. Вы справлялись о жизни моего несчастного брата и теперь представляетесь, что узнали его историю по каким-то фантастическим данным. Ведь не думаете же вы, что я поверю, что вы узнали все это благодаря его старым часам! Это нехорошо с вашей стороны, и, говоря по правде, смахивает на шарлатанство.

– Примите мои извинения, милый доктор, – ласково сказал он. – Смотря на дело с отвлеченной точки зрения, я совершенно забыл, что это может быть тяжело для вас. Но уверяю вас, я не знал о существовании вашего брата, пока вы не дали мне эти часы.

– Как же, во имя всего святого, вы узнали все эти факты? Они совершенно верны во всех подробностях.

– Ах, это просто удача. Я говорил только в пределах вероятностей и никак не ожидал, что все замеченное мною окажется настолько верным.

– Но ведь это не простая догадка?

– Нет-нет; я никогда не прибегаю к догадкам, это отвратительная привычка, разрушительно действующая на логические способности. Вам это кажется странным, потому что вы следуете ходу моих мыслей и не замечаете мелочей, от которых зависят важные заключения. Например, я начал с заявления о небрежности вашего брата. Если вы обратите внимание на футляр часов, то заметите, что он не только поцарапан в двух местах, но весь избит вследствие привычки держать в кармане другие жесткие предметы, как, например, монеты и ключи. Право, вовсе уж не так трудно предположить, что человек, так легкомысленно обращающийся с часами ценой пятьдесят гиней, должен быть небрежным. Нет также ничего мудреного и в предположении, что человек, получающий в наследство такую дорогую вещь, обеспечен недурно и в других отношениях.

Я кивнул головой в знак того, что слежу за ним.

– Английские закладчики часто имеют обыкновение выцарапывать булавкой номер квитанции на внутренней стороне крышки. Это удобнее, чем бумажная квитанция, которая может затеряться. На крышке я увидел в лупу четыре таких номера. Заключение первое – ваш брат часто бывал в стесненных обстоятельствах. Заключение второе – у него иногда бывали и средства, иначе он не мог бы выкупать часы. Теперь я попрошу вас взглянуть на внутреннюю пластинку, где находится дырочка для ключа. Посмотрите на тысячи царапин вокруг дырочки, указывающих места, по которым скользит ключ. Мог ли трезвый человек провести ключом такие бороздки? Зато их всегда можно видеть на часах пьяницы. Он заводит часы ночью и оставляет следы неверной руки. Где же тут таинственность?

– Все ясно, как Божий день, – ответил я. – Сожалею, что был несправедлив к вам. Мне следовало бы верить больше в ваш удивительный дар. Что, у вас есть какое-нибудь профессиональное дело в настоящее время?

– Никакого. Оттого и появляется на сцене кокаин. Я не могу жить без умственной работы. Чего ради стоит жить? Встаньте к окну. Что за ужасный, печальный, бесполезный мир! Посмотрите, как желтый туман кружится по улице и несется вдоль мрачных домов. Может ли быть что-либо более безнадежно прозаическое и обыденное? Что в том, доктор, что у человека есть талант, когда не к чему применить его? Банальные преступления, пошлая жизнь – тут и способности-то нужны обыденные.

Я открыл рот, чтобы ответить на эту тираду, как вдруг кто-то постучался в дверь. Вошла хозяйка с визитной карточкой на медном подносе.

– К вам барышня. – сказала она, обращаясь к моему приятелю.

– Мисс Мэри Морстэн, – прочел Холмс. – Гм! Не помню такой фамилии. Попросите барышню войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Мне хочется, чтоб вы остались.

Глава II

Изложение дела

Мисс Морстэн, наружно спокойная, вошла в комнату твердой походкой. Это была белокурая, изящная молодая девушка небольшого роста, одетая с большим вкусом. Простота ее костюма указывала на ограниченность ее средств. Платье ее было из темно-серого бежа без всякой отделки; шляпа того же цвета оттенялась только белым крылышком. Лицо ее не отличалось ни правильностью черт, ни цветом, но выражение было очень мило и привлекательно, а большие голубые глаза сверкали умом и добротой. Я видел много женщин разных национальностей на трех материках, но никогда не случалось мне видеть лица, в котором отражалось бы столько утонченности и выразительности. Я не мог не заметить, что, когда она села на стул, предложенный ей Шерлоком Холмсом, губы у нее дрожали так же, как и руки. Вся она была, очевидно, охвачена сильнейшим волнением.

– Я пришла к вам, мистер Холмс, – начала она, – потому что вы помогли как-то миссис Сесиль Форрестер, у которой я занималась, распутать одно сложное домашнее дело. Вы произвели на нее большое впечатление своей добротой и искусством.

– Миссис Сесиль Форрестер, – задумчиво повторил он. – Помнится, мне удалось сделать ей кое-что. Дело, кажется, было совсем простое.

– Она так не думала. Но про мое дело вы не можете сказать этого. Я не могу представить себе более странного, более необъяснимого положения, чем то, в котором я нахожусь в настоящее время.

Холмс потер руки, и глаза его заблестели. Он нагнулся и сидел с выражением сосредоточенного внимания на резко очерченном ястребином лице.

– Расскажите ваше дело. – сказал он отрывистым, деловым тоном.

Я почувствовал себя в неловком положении.

– Извините, пожалуйста, – сказал я, вставая со стула.

К моему удивлению, молодая девушка протянула затянутую в перчатку руку, чтобы удержать меня.

– Если ваш друг будет так добр, что останется здесь, он окажет мне громадную услугу, – проговорила она.

Я снова опустился на место.

– Вот в общих чертах все факты, – сказала она. – Отец мой служил офицером в одном из индийских полков и отослал меня ребенком в Европу. Мать у меня умерла, и в Англии не было родных. Меня поместили в хороший пансион в Эдинбурге, и я пробыла там до семнадцати лет. В 1878 году мой отец – старший капитан в своем полку – получил годовой отпуск и приехал домой. Он телеграфировал мне из Лондона о своем благополучном прибытии и просил приехать немедленно, причем прибавлял, что остановится в отеле «Лэнгхэм». Телеграмма, насколько я помню, была составлена в очень ласковых выражениях. Приехав в Лондон, я тотчас же отправилась по данному адресу и узнала, что капитан Морстэн остановился в отеле, но накануне вечером вышел и не возвращался более. Весь день я ожидала его, но об отце не было никаких вестей. Вечером, по совету управляющего гостиницей, я дала знать полиции, а на следующее утро мы поместили объявление в газетах. Наши розыски не привели ни к какому результату, и с тех пор о моем несчастном отце не было ни слуху ни духу. Он вернулся домой с сердцем, полным надежды, чтобы найти мир, покой, и вместо того...

Она подняла руку к горлу, и голос ее прервался от рыданий.

– Число? – спросил Холмс, открывая записную книжку.

– Он исчез 3 декабря 1878 года – почти десять лет тому назад.

– Багаж?

– Остался в гостинице. Там не было ничего, что могло бы послужить указанием... платье, несколько книг и много редкостей с Андаманских островов. Он там служил, и ему был поручен надзор за ссыльными.

– Были у него друзья в городе?

– Мы знаем только одного... Майор Шольто из одного полка с ним, 34-го пехотного, Бомбейского. Майор незадолго перед тем вышел в отставку и поселился в Верхнем Норвуде. Понятно, мы обратились к нему, но он даже не слышал, что его товарищ приехал в Англию.

– Странный случай, – сказал Холмс.

– Я еще не сказала о самом странном в этом деле. Лет шесть тому назад – именно 4 мая 1882 года – в «Таймсе» появилось объявление, в котором мисс Мэри Морстэн просили указать ее адрес для сообщения благоприятных для нее сведений. В объявлении не было ни адреса, ни фамилии. В то время я только что поступила гувернанткой в семью миссис Сесиль Форрестер. По ее совету я напечатала свой адрес в столбце объявлений. В тот же день я получила по почте маленький картонный ящичек, в котором оказалась очень большая и блестящая жемчужина. Кроме этого не было ни строчки. С тех пор, ежегодно в то же самое время, появлялся такой же ящичек с жемчужиной, без обозначения обратного адреса; знатоки говорят, что жемчужины удивительно разнообразны и дорогой цены. Вы сами можете видеть, как они хороши.

Она открыла плоский ящичек и показала нам шесть лучших жемчужин, какие я видал когда-либо.

– Ваше показание очень интересно, – сказал Шерлок Холмс. – Случилось с вами еще что-нибудь?

– Да, и именно сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Сегодня утром я получила вот это письмо. Может быть, вы прочтете его сами.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Позвольте и конверт. Штемпель Лондон, Ю. З. Число 7 июля. Гм! Отпечаток большого пальца мужской руки – должно быть, почтальона. Бумага лучшего сорта. Конверты по шести пенсов за пачку. Человек разборчивый насчет письменных принадлежностей. Адреса нет.

«Будьте у третьей колонны с левой стороны от входа в театре «Лицеум» сегодня в семь часов вечера. Если опасаетесь чего-либо, приведите с собой двух друзей. Вы – жертва обмана. Не приводите полицию. В противном случае все будет напрасно. Незвестный друг».

Право, премиленькая тайна! Что же вы намереваетесь делать, мисс Морстэн?

– Вот это-то я и хотела спросить вас.

– Тогда мы непременно отправимся... вы, я и... да вот мистер Ватсон, самый подходящий человек. Ваш корреспондент пишет о двух друзьях. Доктору и прежде случалось работать со мной.

– Но согласится ли он? – спросила она с умоляющим выражением в лице и голосе.

– Буду очень польщен и счастлив, – горячо ответил я, – если могу быть полезен вам.

– Вы оба очень добры, – ответила она. – Я вела очень уединенную жизнь, и мне не к кому обратиться. Я думаю, мне следует быть здесь к шести часам?

– Только не опоздайте, – сказал Холмс. – Еще один вопрос. Это тот же почерк, что на адресах полученных вами ящичков с жемчужинами?

– Я принесла все эти адреса, – ответила мисс Морстэн, вынимая из кармана шесть ключков бумаги.

– Вы – примерная клиентка. Вы чувствуете, что необходимо. Ну-с, посмотрим. – Он разложил на столе бумажки и быстро, внимательно просмотрел их. – Почерк изменен везде, за исключением письма, – сказал он спустя несколько минут, – но нет сомнения, автор один и тот же. Взгляните на буквы *e* и *s*. Несмотря на все старания, они имеют везде одинаковую форму.

Несомненно, они написаны одним и тем же ладом. Мне бы не хотелось возбуждать обманчивых надежд, мисс Морстэн, но нет ли сходства между этим почерком и почерком вашего отца?

– Ни малейшего.

– Я ждал, что вы это скажете. Итак, мы будем ожидать вас в шесть часов. Пожалуйста, оставьте мне эти бумаги. Я хорошенько рассмотрю их. Теперь еще только половина четвертого. А сейчас до свиданья.

– До свиданья, – повторила наша посетительница. Она взглянула на нас обоих ясным, ласковым взглядом, спрятала футляр с жемчужинами и поспешно вышла из комнаты.

Стоя у окна, я следил, как она быстро шла по улице, пока серая шляпа с белым пером не исчезла в темной толпе.

– Что за очаровательная женщина! – сказал я, оборачиваясь к моему приятелю.

Он уже опять закурил трубку и с опущенными глазами откинулся на спинку кресла.

– В самом деле? – небрежно проговорил он. – Я не заметил.

– Вы действительно какой-то автомат... счетная машина! – крикнул я. – Иногда в вас чувствуется что-то нечеловеческое.

Он улыбнулся.

– Самое главное – это не допускать влияния личных качеств клиента на рассудок. Клиент – не более, чем единица, фактор в проблеме. Способность к чувствительности противоречит ясному рассуждению. Уверяю вас, что самая привлекательная женщина, которую я знал, была повешена за отравление трех детей с целью получения страховой премии, а самый отвратительный по наружности из моих знакомых – филантроп, истративший около четверти миллиона на лондонских бедняков.

– Но в данном случае...

– Я никогда не делаю исключений. Исключение подтверждает правило. Случалось вам когда-нибудь изучать характер человека по его почерку? Что скажете о почерке этого человека?

– Он ясен и легко читается, – ответил я. – Это человек дела и не лишенный силы воли.

Холмс покачал головой.

– Взгляните на его надстрочные буквы. Они еле возвышаются над другими. Это *d* похоже на *a*, *l* на *e*. Люди с характером всегда отличают надстрочные буквы, как бы ни был неясен их почерк. В букве *k* заметна неустойчивость, а в заглавных буквах чувствуется самоуважение. Я иду теперь. Нужно навести некоторые справки. Рекомендую вам эту книгу – одна из самых замечательных из когда-либо написанных книг. Это – «Мученичество человека» Винвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сел к окну с книгой в руке, но мысли мои были далеки от смелых предположений писателя. Они были заняты нашей недавней посетительницей – ее улыбкой, глубоким, звучным тоном ее голоса, странной тайной, омрачившей ее жизнь. Если во время исчезновения отца ей было семнадцать лет, то теперь ей двадцать семь... Славный возраст, когда молодость теряет свою самонадеянность, а опыт делает ее более рассудительной. Так я сидел и мечтал, пока в голову мне не пришли такие опасные мысли, что я бросился к своему столу и яростно углубился в последнее сочинение по патологии. Как смел я, бедный армейский лекарь с больной ногой, с незначительными средствами, думать о подобного рода вещах? Она – только единица, фактор, – ничего более. Если будущее мое мрачно, лучше мужественно смотреть на него, чем пробовать украсить его блуждающими огоньками фантазий.

Глава III

В поисках решения задачи

Холмс вернулся в половине шестого. Он был сильно возбужден, весел и в превосходном настроении, что всегда чередовалось у него с припадками мрачного уныния.

– В этом деле нет ничего особенно таинственного, – сказал он, беря чашку чая, которую я налил ему. – Факты допускают только одно толкование.

– Как! Вы уже узнали все?

– Ну, это слишком много. Я напал только на важный след. Вот и все. Но, правда, очень важный. Придется узнать подробности. Я только что нашел, просмотрев объявления в «Таймсе», что майор Шольто из Верхнего Норвуда, служивший в 34-м пехотном Бомбейском полку, умер 28 апреля 1882 года.

– Вероятно, я очень туп, Холмс, потому что не понимаю, какое значение имеет этот факт.

– Неужели! Вы удивляете меня. Ну, так прислушайтесь. Капитан Морстэн исчезает. Майор Шольто – единственное лицо, знакомое ему в Лондоне. Майор Шольто отрицает, что знал о приезде мистера Морстэна. Спустя четыре года майор Шольто умирает. Через неделю после его смерти дочь капитана Морстэна получает дорогой подарок, что повторяется ежегодно и заканчивается письмом, где говорится о том, что она обманута. Что это за обман? И почему эти подарки начинаются сразу после смерти Шольто? Вероятно, наследник Шольто знает истину и хочет вознаградить пострадавшую. Есть у вас какая-нибудь теория, которую вы можете противопоставить этим фактам?

– Но что за странное вознаграждение! И как необычно оно выражается! И почему он пишет только теперь, а не шесть лет тому назад? Затем тут говорится об обмане. Ведь не может быть, чтобы ее отец не умер. Другого же обмана, насколько известно, нет в этом деле.

– Конечно, тут есть затруднения, большие затруднения, – задумчиво проговорил Шерлок Холмс, – но сегодняшняя наша экспедиция рассеет их... А! вот и карета, и в ней мисс Морстэн. Готовы ли вы? Так идемте, так как уже немногим больше шести часов.

Я схватил шляпу и самую толстую палку, но заметил, что Холмс вынул из ящика револьвер и сунул его в карман. Очевидно, он ожидал, что дело нам предстоит серьезное.

Мисс Морстэн была укутана в темный плащ. Ее выразительное лицо было спокойно, но бледно. Нужно было быть более чем женщиной, чтобы не чувствовать беспокойства от предпринимаемого нами странного шага, но она вполне владела собой и охотно отвечала на несколько дополнительных вопросов, которые предложил ей Шерлок Холмс.

– Майор Шольто был закадычный друг папы, – сказала она. – В письмах отца постоянно упоминалось имя майора. Он и отец командовали войсками на Андаманских островах, так что им приходилось постоянно иметь дело друг с другом. Между прочим, в столе папы оказалась любопытная бумага, которой никто не мог понять. Не думаю, чтобы она могла иметь какое-нибудь значение, но захватила ее с собой на случай, если бы вы захотели просмотреть ее. Вот эта бумага.

Холмс осторожно раскрыл бумагу и расправил ее у себя на коленях. Потом методически стал рассматривать ее в лупу.

– Эта бумага местного индийского производства, – заметил он. – Некоторое время она была припилена к доске. На ней изображен план части большого здания с многочисленными пристройками, коридорами и проходами. В одном месте маленький крест, сделанный красными чернилами, а над ним написано: «3,37 слева», еле видно, карандашом. В левом углу странный иероглиф вроде четырех крестов подряд, соприкасающихся концами. Рядом написано грубым, нескладным почерком: «Знак четырех – Джонатан Смоль, Магомет Синг,

Абдулла-Хан, Дост-Акбар». Да, признаюсь, не вижу, какое отношение это может иметь к нашему делу. Но, очевидно, это важный документ – и тщательно сохранялся в бумажнике, так как обе стороны его одинаково чисты.

– Мы нашли его в бумажнике отца.

– Так сберегите его, мисс Морстэн, потому что он может быть полезен нам. Я начинаю подозревать, что дело это вовсе не так просто, как мне показалось сначала. Придется обдумать его еще раз.

Он откинулся на подушку экипажа, и по его нахмуренному лбу и рассеянному взгляду я увидел, что он погрузился в глубокое раздумье. Мисс Морстэн и я болтали вполголоса о нашей поездке и возможном исходе ее, но наш спутник хранил непроницаемое молчание, пока мы не доехали до цели нашего путешествия.

Стоял сентябрьский вечер, и не было еще семи часов, но день был холодный, и густой туман окутывал громадный город. Темные тучи печально нависли над грязными улицами. Фонари на Странде казались неясными пятнами рассеянного света, бросавшими слабый отблеск на скользкие тротуары. Желтый блеск из окон магазинов вливался в сырой, насыщенный парами воздух и бросал неверный свет на многолюдную улицу. Что-то странное, фантастическое чудилось мне в непрерывной процессии лиц, мелькавших в этих слабых полосах света, – лица печальные и счастливые, бледные и веселые. Как и все человечество, они то выходили из мрака на свет, то снова исчезали во мраке. Я вообще не склонен к впечатлительности, но скучный, мрачный вечер в соединении с ожидавшим нас странным свиданием расстроили мои нервы и нагнали тоску. Я видел, что и мисс Морстэн страдала от того же чувства. Один Холмс был выше всякой мелочной впечатлительности. На коленях у него лежала открытая записная книжка, в которую он временами заносил какие-то цифры и заметки при свете фонаря, который был у него в кармане.

Толпы народа уже стояли у боковых входов в театр. Перед главным входом непрерывный поток двухместных и четырехместных карет подкатывал к подъезду, высаживая мужчин в крахмальных рубашках и женщин в накидках и бриллиантах. Мы только что дошли до третьей колонны, – назначенного нам места свидания, – как к нам подошел проворный смуглый человек небольшого роста в кучерской одежде.

– Вы приехали с мисс Морстэн? – спросил он.

– Я – мисс Морстэн, а эти господа – мои друзья, – сказала она.

Незнакомец устремил на нас свой удивительно пронизательный и вопросительный взгляд.

– Извините меня, мисс, – сказал он несколько упрямо, – но мне приказано просить вас дать слово, что с вами нет полицейского.

– Даю вам слово, – ответила она.

Он резко свистнул, и тотчас какой-то бродяга позвал кеб и открыл дверцу. Говоривший с нами взобрался на козлы, а мы сели внутрь, возница ударил лошадь, и мы понеслись бешеным галопом по туманным улицам.

Положение было любопытное. Мы ехали в неизвестное место, по неизвестному делу. Но полученное нами приглашение было или мистификацией, – что казалось непонятной гипотезой, – или нам приходилось думать, что наша поездка будет иметь важные последствия. Поведение мисс Морстэн было все так же решительно и спокойно. Я пробовал занять ее и развлечь воспоминаниями о моих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, я сам был так возбужден нашим положением и так заинтересован тем, куда нас везут, что рассказы мои были вряд ли занимательны. По сей день она уверяет, что я рассказал ей трогательный анекдот о том, как в глубокую ночь в палатку ко мне заглянул мушкет и как я выстрелил в него двумя зарядами из детеныша тигра. Сначала я еще отдавал себе отчет о направлении, в котором нас везут, но скоро от быстроты движения, тумана, малого знакомства с Лондоном я совершенно

потерял ориентацию и понимал только, что мы, как казалось, ехали очень далеко. Но Шерлок Холмс нисколько не потерялся и бормотал названия скверов и переулков, по которым с треском проезжал наш кеб.

– Рочестор-Роуд, – говорил он. – Теперь Винцентский сквер. Теперь мы выехали на дорогу к Вокзальному мосту. Очевидно, мы едем в сторону Серрея. Да, так я и думал. Вот мы и на мосту. Можно видеть реку.

Действительно, мы мельком увидели Темзу и фонари, горевшие на широком, безмолвном водяном пространстве. Кеб наш продолжал мчаться, и скоро мы очутились в лабиринте улиц противоположной стороны реки.

– Дорога в Вандверт, – продолжал мой приятель. – В Приорат. Площадь Стоквель. Улица Роберт... Однако нам приходится ехать не по очень фешенебельным местам.

Действительно, мы очутились в сомнительной и угрожающего вида местности. Длинные линии кирпичных домов прерывались только грубым блеском ярко освещенных питейных заведений на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы, с миниатюрными садиками впереди, и снова бесконечный ряд новых кирпичных зданий – чудовищных щупалец, которые гигантский город выбрасывает в деревню. Наконец кеб остановился у третьего дома на новой террасе. Другие дома были необитаемы, да и в том, перед которым мы остановились, только в кухне виднелся слабый свет. На наш стук дверь сейчас же отворил слуга-индус в желтом тюрбане, в белой одежде со свободными складками и желтом кушаке. Странной казалась эта восточная фигура в рамке банальной двери старого пригородного дома.

– Саиб ожидает вас, – сказал он, и в то же время из внутренней комнаты раздался громкий пронзительный голос.

– Введи их! – кричал этот голос. – Введи прямо ко мне!

Глава IV

История лысого человека

Мы шли за индусом вдоль грязного, плохо освещенного и скудно меблированного коридора, пока он не остановился перед одной из дверей направо и отворил ее. На нас хлынул поток яркого желтого света, в центре которого стоял человек маленького роста, с очень большой головой, обрамленной бахромой щетинистых рыжих волос, окружавших лысый, блестящий череп, который подымался среди них как вершина горы среди сосен. Разговаривая, он постоянно жестикулировал, а лицо его ни на одно мгновение не оставалось спокойным и постоянно делалось то улыбающимся, то сердитым. Природа дала ему отвисшую губу и слишком видный ряд желтых, неправильных зубов, что он старался скрыть, беспрестанно проводя рукой по нижней части лица. Несмотря на отсутствие волос, он производил впечатление человека молодого. Действительно, ему только что исполнилось тридцать лет.

– Ваш покорнейший слуга, мисс Морстэн, – несколько раз повторил он своим тонким, высоким голосом. – Пожалуйста, войдите в мое маленькое святилище. Маленькое убежище, мисс, но убранное по моему вкусу. Оазис искусства в ужасной пустыне южного Лондона.

Все мы были удивлены видом комнаты, в которую он пригласил нас. В этом жалком доме она походила на неподходящий к месту бриллиант чистой воды в медной оправе. Богатейшие, блестящие вышивки украшали стены; среди них местами виднелись картины в драгоценных рамах или восточные вазы. Ковер желтого и черного цветов был так мягок и пушист, что нога утопала в нем, как во мху. Брошенные на нем две тигровые шкуры увеличивали впечатление восточной роскоши, так же, как и кальян, стоявший на циновке в одном из углов комнаты. В центре комнаты на золотой проволоке висела лампа в виде серебряного голубя, наполнявшая воздух тонким, ароматным запахом.

– Мистер Таддеуш Шольто, – сказал человек, весь подергиваясь и улыбаясь. – Вот моя фамилия. Конечно, вы мисс Морстэн. А эти господа...

– Мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

– Что, доктор, а?! – крикнул он возбужденным тоном. – С вами ваш стетоскоп? Могу я попросить вас... Не будете ли вы так добры? Я сильно опасаюсь насчет одного из клапанов моего сердца. Один-то, я знаю, в порядке, а вот как другой...

По его желанию я выслушал его сердце, но не нашел ничего, хотя он, очевидно, испытывал панический страх, так как дрожал с головы до ног.

– Оно вполне нормально, – сказал я, – и у вас нет повода к беспокойству.

– Извините мою тревогу, мисс Морстэн, – весело заметил мистер Шольто. – Я сильно страдаю и давно уже боялся за этот клапан. Я в восторге, что мои подозрения оказались неосновательными. Если бы ваш отец, мисс Морстэн, не так напрягал свое сердце, он был бы жив до сих пор.

Я был в состоянии дать пощечину этому человеку, так я рассердился на него за бестактное и грубое отношение к такому деликатному вопросу. Мисс Морстэн села, лицо ее страшно побледнело.

– Сердце говорило мне, что он умер, – проговорила она.

– Я могу сообщить вам все подробности, – сказал он, – и более того, могу исправить причиненную вам несправедливость и сделаю это, что бы ни сказал брат Бартоломео. Я так рад, что вижу у себя ваших друзей – не только в качестве вашей свиты, но и как свидетелей того, что я намереваюсь делать и говорить. Втроем мы сумеем устоять против брата Бартоломео. Но, пожалуйста, без посторонних, без полицейских и чиновников. Мы можем все устроить между нами, без чужого вмешательства. Публичность более всего оскорбит брата Бартоломео.

Он сел на низкую кушетку и, мигая, вопросительно смотрел на нас своими слабыми, водянистыми глазами.

– Что касается меня, – сказал Холмс, – все, что вы расскажете, останется при мне.

Я кивнул головой в подтверждение его слов.

– Это хорошо! Очень хорошо! – сказал он. – Могу я предложить вам стакан кианти, мисс Морстэн? Или токайского? Я не держу других вин. Откупорить бутылку? Нет? Ну, так надеюсь, вы ничего не имеете против табачного дыма, против бальзамического запаха восточного табака. Я несколько нервничаю, и трубка несказанно успокаивает меня.

Он приложил спичку к большой чаше, и дым стал весело пробираться сквозь розовую воду. Мы, все трое, сидели полукругом, вытянув вперед головы и подпирая рукой подбородок, а странный, весь подергивающийся человек с высокой блестящей головой, беспокойно курил в центре круга.

– Когда я решился вызвать вас на свидание, – начал он, – я мог бы дать вам мой адрес; но я боялся, что вы не обратите внимания на мою просьбу и приведете с собой неприятных людей. Поэтому я взял на себя смелость назначить вам свидание так, чтоб мой слуга Вильямс мог бы сначала видеть вас. Я вполне уверен в его скромности и потому дал ему приказание в случае, если наблюдения его будут неблагоприятны, не делать никаких дальнейших шагов.

Извините меня за эти предосторожности, но я человек застенчивый, могу даже сказать, утонченных вкусов, а нет ничего более неэстетичного, чем полицейские. У меня природное отвращение ко всем формам грубого материализма. Я редко прихожу в соприкосновение с грубой толпой. Я живу, как видите, до известной степени в атмосфере изящества. Могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Этот пейзаж – действительно Коро, и если знаток, может быть, несколько усомнится в этом Сальваторе Розе, то относительно Бугеро не может быть и тени сомнения. Я чувствую пристрастие к современной французской школе.

– Извините меня, мистер Шольто, – сказала мисс Морстэн, – но я явилась сюда, чтобы узнать то, что вы желаете сказать мне. Уже очень поздно, и я желаю, чтобы наше свидание было как можно короче.

– Во всяком случае, оно займет немного времени, – ответил он, – потому что нам непременно нужно отправиться в Новруд и повидаться с братом Бартоломео. Он очень сердит на меня за то, что я избрал путь, который показался мне справедливым. Вчера вечером я даже побранился с ним. Вы не можете себе представить, как он ужасен в гневе.

– Если нам ехать в Новруд, то не лучше ли отправиться сейчас же, – осмелился заметить я. Шольто рассмеялся так, что уши у него покраснели.

– Это не годится! – крикнул он. – Не знаю, что бы он сказал, если бы я привез вас неожиданно-негаданно. Нет, прежде всего, я должен приготовить вас, рассказав, в каком отношении друг к другу мы все находимся. Прежде всего, я должен сказать вам, что в этой истории есть много непонятного для меня самого. Я могу изложить факты, насколько они известны мне.

Отец мой – как вы уже, вероятно, догадались – был майор Джон Шольто, служивший некогда в индийской армии. Лет одиннадцать тому назад он вышел в отставку и поселился в Пондишерри-Лодж в Верхнем Норвуде. Он разбогател в Индии и привез оттуда значительную сумму денег, большую коллекцию ценных редкостей и штат туземных слуг. На родине он купил большой дом и жил роскошно. Мы с братом Бартоломеом близнецы и его единственные дети.

Я очень хорошо помню впечатление, произведенное исчезновением капитана Морстэна. Мы читали подробности этого происшествия в газетах и, зная, что он был другом отца, свободно обсуждали прочитанное в его присутствии. Он вместе с нами делал предположения о том, что случилось с его приятелем. Ни одно мгновение мы не подозревали, какая тайна была сокрыта в глубине его сердца, что ему одному из всех людей была известна судьба Артура Морстэна.

Но мы знали, что какая-то тайна, какая-то опасность висела над нашим отцом. Он боялся один выходить из дома и нанимал постоянно в привратники двух известных кулачных бойцов Пондишерри-Лоджа. Вильямс, который вез вас сегодня, – один из них. Одно время он был чемпионом Англии. Отец никогда не говорил нам, чего он боялся, но у него было сильное отвращение к людям с деревянными ногами. Один раз он выстрелил из револьвера в человека на деревяшке, который оказался самым безвредным торговцем, желавшим получить заказ. Нам пришлось уплатить крупную сумму, чтобы замять это дело. Мы с братом считали это просто чудачеством со стороны отца, но последующие события заставили нас изменить это мнение.

В начале 1882 года отец получил письмо из Индии, которое страшно потрясло его. Когда он вскрыл его за завтраком, то почти лишился чувств, и с этого дня хворал до самой смерти. Мы так и не узнали, что это было за письмо, но я успел заметить, что оно было коротко и написано плохим почерком. В продолжение нескольких лет он страдал сильным сплином, но с этих пор здоровье его стало быстро ухудшаться и в конце апреля мы узнали, что он безнадежен и желает сказать нам нечто перед смертью. Когда мы вошли в комнату, он сидел, подпертый подушками, и тяжело дышал. Он велел нам запереть дверь и подойти к нему. Потом, схватив наши руки, он сделал нам замечательное признание голосом, прерываемым от волнения и горя. Постараюсь передать все его словами.

– В эту последнюю торжественную минуту только одна мысль тяготит мой ум, – сказал он. – Это мое отношение к бедной сироте – дочери Морстэна. Проклятая алчность, главный грех моей жизни, заставила меня удерживать драгоценности, половина которых, по крайней мере, должна была бы принадлежать ей. А между тем, и я сам не воспользовался ими, – скупость – такая слепая и глупая привычка. Одно сознание обладания было так дорого мне, что я не выносил мысли поделиться им с кем бы то ни было. Видите эту диадему с жемчужинами, четки около склянки с хинином? Даже с ними я не мог расстаться, хотя и приобрел их с намерением послать ей. Вы, дети мои, дадите ей хорошую долю сокровищ Агры. Но не посылайте ей ничего – даже этой диадемы, пока я не умру. Ведь бывали же примеры, что и такие больные, как я, поправлялись.

– Расскажу вам, как умер Морстэн, – продолжал он. – У него уже давно было слабое сердце, но он скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним, благодаря замечательному стечению обстоятельств, стали обладателями значительного богатства. Я привез его в Лондон, и Морстэн вечером того же дня, как приехал в Лондон, явился ко мне за своей частью. Он пришел со станции, и мой верный старик Лаль Хоудар, теперь уже умерший, впустил его в дом. Морстэн и я не могли прийти к соглашению относительно раздела сокровищ, и оба горячились. В припадке гнева Морстэн вскочил со стула; вдруг он приложил руку к сердцу, лицо его потемнело, и он упал навзничь, ударившись головой об угол ящика с драгоценностями. Когда я нагнулся над ним, то с ужасом увидел, что он уже был мертв.

Долго я сидел, как безумный раздумывая о том, что мне следовало сделать. Первым моим порывом было позвать кого-нибудь на помощь, но я не мог не признать, что, по всей вероятности, буду обвинен в его убийстве. Смерть его во время ссоры и рана на голове явно свидетельствовали против меня. К тому же при официальном следствии непременно обнаружались бы некоторые факты насчет драгоценностей, которые я особенно хотел скрыть. Морстэн сказал мне, что ни одна душа на свете не знала, куда он ушел. Зачем же было какой-нибудь душе знать и это?

Я все еще обдумывал мое положение, когда, нечаянно подняв глаза, увидел в дверях моего слугу, Лаль Хоудара. Он неслышно вошел в комнату и запер за собой дверь на задвижку.

– Не бойтесь, Сагиб, – сказал он, – никто не должен знать, что вы убили его. Спрячем его, и кому какое дело?

– Я не убивал его, – возразил я.

Лаль Хоудар, улыбаясь, покачал головой.

– Я слышал все, Сагиб, – сказал он. – Слышал и ссору, и удар. Но уста мои закрыты. Все в доме спят. Вынесем его отсюда.

Его слова разрешили мои сомнения. Если мой собственный слуга не верит в мою невиновность, то как я могу надеяться оправдаться перед двенадцатью глупыми торговцами, сидящими на скамье присяжных? Лаль Хоудар и я в ту же ночь убрали труп, а через несколько дней все лондонские газеты были наполнены известиями о таинственном исчезновении капитана Морстэна. Из моих слов вы можете видеть, что меня вряд ли можно обвинить в его смерти. Вина моя заключается в том, что мы скрыли не только труп, но и драгоценности, и что я завладел долей Морстэна, равно как и своей. Поэтому я хочу, чтобы вы возвратили взятое мною. Наклонитесь поближе ко мне. Драгоценности спрятаны в...

В это мгновение выражение его лица страшно изменилось: глаза его уставились в пространство с безумным взглядом, нижняя челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я не могу забыть до сих пор: «Не пускайте его! Ради Бога, не пускайте!» Мы оба повернулись к окну позади нас, с которого он не спускал пристального взгляда. Из темноты оттуда на нас смотрело чье-то лицо. Мы видели прижавшийся к окну белый нос. Бородатое, волосатое лицо

с дикими, жестокими глазами было полно сосредоточенной злобы. Мы с братом бросились к окну, но видение исчезло. Голова отца упала на грудь и пульс перестал биться.

Ночью мы обыскали весь сад, но не нашли и следов незнакомца, за исключением отпечатка ноги на одной из цветочных гряд. Если бы не этот след, то мы могли бы приписать обману зрения появление этого дикого, гневного лица. Но скоро у нас явилось еще более поразительное доказательство, что какие-то таинственные силы окружают нас. Утром окно комнаты отца оказалось открытым, все комоды и ящики обысканы, а к груди его был приколот клочок бумаги с нацарапанными на нем словами: «Знак четырех». Мы так и не узнали ни значения этой фразы, ни того, что за таинственный посетитель пробрался в комнату отца. Насколько мы могли судить, из имущества отца ничего не было похищено, хотя все было перерыто. Мы с братом, понятно, связали этот страшный случай со страхом, преследовавшим нашего отца в продолжение всей его жизни; но тайна так и осталась тайной для нас...

Рассказчик остановился, чтобы раскурить трубку, и задумчиво курил несколько минут. Мы все сосредоточенно слушали его необыкновенный рассказ. При кратком описании смерти отца мисс Морстэн смертельно побледнела, и одно мгновение я боялся, что она упадет в обморок. Однако она оправилась, выпив стакан воды, который я молча налил ей из графина венецианского стекла, стоявшего на боковом столике. Шерлок Холмс сидел, откинувшись на спинку кресла, с рассеянным выражением лица и низко опущенными веками над горевшими глазами. Смотря на него, я невольно вспомнил, как еще сегодня утром он горько жаловался на обыденность жизни. Вот теперь перед ним задача, требующая полного напряжения ума. Мистер Таддеуш Шольто посмотрел то на одного, то на другого из нас, очевидно, гордясь эффектом, произведенным его рассказом, и затем продолжал:

– Вы можете себе представить, как нас с братом взволновали слова отца о кладе, – сказал он. – Целыми неделями и месяцами мы копали и рылись повсюду в саду, но ничего не нашли. Мысль о том, что отец готов был произнести название места, где скрыт клад, сводила нас с ума. Мы могли судить о пропавшем богатстве по вынутой им диадеме. Мы с братом Бартоломеем поспорили относительно нее. Жемчужины были, очевидно, большой ценности, и ему не хотелось расставаться с ними, потому что, говоря между нами, мой брат унаследовал порок нашего отца. К тому же он думал, что если мы расстанемся с диадемой, это может возбудить толки и навлечь на нас неприятности. Мне еле удалось убедить его дать мне узнать адрес мисс Морстэн и посылать ей по жемчужине, чтобы ей не пришлось испытать нужды.

– Это была хорошая, чрезвычайно добрая мысль с вашей стороны, – серьезно заметила наша спутница.

Маленький человек сделал жест отрицания.

– Мы являлись вашими доверенными лицами, – сказал он, – так я смотрел на это дело, хотя брат Бартоломей и не разделял моего взгляда. У нас самих было много денег, и я не желал большего. К тому же обращаться таким презренным образом с молодой барышней было бы признаком дурного вкуса. *Le mauvais gout mene au crime*¹. Французы умеют так мило выражать подобные вещи. Разница в наших взглядах на этот предмет дошла до того, что я решил взять себе отдельную квартиру, и потому покинул Пондишерри-Лодж, взяв с собой старого индуса и Вильямса. Но вчера я узнал о событии величайшей важности. Клад найден. Я сейчас же написал мисс Морстэн, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и спросить нашу долю. Вчера вечером я высказал свое мнение брату Бартоломею, так что мы будем хотя и не желанными, но жданными гостями.

Мистер Таддеуш Шольто сидел, подергиваясь, на своей роскошной кушетке; мы все молчали, размышляя о новой стадии развития этого таинственного дела. Холмс первый вскочил на ноги.

¹ Дурной вкус ведет к преступлению.

– Сначала до конца вы поступили хорошо, сэра, – сказал он. – Может быть, и мы сумеем хоть немного отплатить вам, объяснив немного то, что еще темно для вас. Но, как заметила мисс Морстэн, уже поздно и надо безотлагательно заняться этим делом.

Наш новый знакомый очень решительно свернул длинную трубку своего кальяна и вынул из-за занавеси очень длинное пальто с пуговицами, с каракулевым воротником и такими же обшлагами. Он надел и застегнул пальто.

– Здоровье у меня довольно слабое, – заметил он, ведя нас по коридору.

На улице нас ожидал кеб, и, очевидно, все делалось по заготовленной ранее программе, так как кучер сразу пустил лошадей рысью. Таддеуш Шольто говорил непрерывно, заглушая шум колес.

– Бартоломей умный малый, – говорил он. – Как, вы думаете, он нашел место, где был спрятан клад? Он пришел к заключению, что клад находится в доме; поэтому Бартоломей высчитал объем всего дома и вымерял каждый дюйм. Между прочим, он нашел, что высота здания равняется семидесяти четырем футам, но сложив высоту комнат всех этажей и приняв в расчет расстояние между ними, в чем он убедился, пробуравив потолки, он получил сумму только в семьдесят футов. Откуда же явились лишние четыре фута? Они должны были находиться в верхней части дома. Тогда он проделал дыру в штукатурке потолка верхней комнаты и наткнулся на маленький запертый чердак, никому не известный. В центре его на двух стропилах стоял ящик с драгоценностями. Он был опущен через отверстие и стоит теперь там. Брат оценивает его содержимое в полмиллиона фунтов стерлингов.

Мы вытаращили глаза, услышав эту громадную сумму, и поглядели друг на друга. Если нам удастся восстановить в правах мисс Морстэн, то из бедной гувернантки она превратится в богатейшую наследницу в Англии! Истинному другу следовало бы только порадоваться такому известию, но, стыдно признаться, эгоизм охватил мою душу, и на сердце у меня стало тяжело. Я, заикаясь, пробормотал несколько поздравительных слов и затем, печально опустив голову, сидел, слушая болтовню нашего нового знакомого. Очевидно, он был настоящий ипохондрик, и я как сквозь сон сознавал, что он перечисляет бесконечный ряд симптомов болезней и умоляет объяснить ему состав и действия разных шарлатанских снадобий, которые были у него в кармане в кожаном футляре. Надеюсь, что он не запомнил моих ответов. Холмс уверяет, что слышал, как я предостерегал его от опасности принимать более двух капель касторового масла и в то же время рекомендовал большие дозы стрихнина, как успокоительное средство. Как бы то ни было, я почувствовал сильное облегчение, когда наш кеб внезапно остановился и кучер соскочил, чтобы открыть нам дверку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.